

Глава 3.

Текстура реальности

Реальность – это очень важное слово, но на самом деле это не буддийское слово. У нас есть шуньята, или пустота, есть татхата, или таковость, и есть дхармакая, «тело истины», но в традиционной буддийской терминологии нет настоящего смыслового эквивалента слову «реальность».

Реальность – не только слово с обширным значением, оно также абстрактно (что часто означает, что оно имеет неопределенное значение), а буддисты в целом никогда не любили абстрактной терминологии. В тибетском буддизме, например, принят очень конкретный и даже, если хотите, парадоксально-материалистический подход к духовной жизни. А Дзен-буддизм заходит и того дальше: любое увлечение абстрагированием или неясными обобщениями встречается пронзительным окриком, тридцатью ударами или тому подобными порицаниями.

Поэтому, когда мы используем это слово «реальность», говоря о буддизме, мы используем его в качестве временного подручного средства. Не следует воспринимать его слишком буквально. Конечно, нельзя сказать, что оттенки значения, закрепленные за ним в общем западном философском и религиозном обиходе, применимы к нему в контексте буддизма.

Именно по этой причине – хотя слова «реальность» практически невозможно избежать западному буддисту – я предлагаю идею ее текстуры. Это слово почти конкретно осязаемо. Текстуру можно ощутить, ее можно подержать в руках, получить ее опыт непосредственно, через прикосновение. Поскольку на кончиках наших пальцев много нервных окончаний, мы можем проводить очень тонкие различия между огромным количеством различных текстур. Мы можем отличить хлопок от шелка и шерсти или даже гранит от сланца и мрамора. Можно провести различия даже между гораздо более тонкими градациями структур. Китайские знатоки нефрита могли распознавать сотни видов и свойств нефрита – белого, красного, черного или зеленого нефрита, нефрита цвета «бараньего жира», нефрита цвета «драконьей крови» и так далее – с закрытыми глазами, просто ощущая его текстуру под водой.

Реальность так же является в буддизме чем-то, что нужно ощутить, потрогать, даже подержать в руках – потому что буддизм, прежде всего, практичен. Поэтому, продолжая использовать это слово в прикладных целях, мы можем сказать, что в буддизме широко обсуждаются два вида реальности: есть обусловленная реальность и Необусловленная реальность, или, более кратко, обусловленное и Необусловленное.

Две реальности

«Необусловленное» - это обычный перевод санскритского слова «асамскрита». «Сам» означает «вместе», «крита» - «сделанное» или «сложенное», а «а-» - приставка, выражающая отрицание, поэтому асамскрита буквально означает «не соединенное вместе» или «несоставное». Обусловленное, следовательно, – самскрита, и это слово имеет особое значение в санскрите, потому что даже само название языка – санскрит – это англоязычная его форма. Согласно мудрецам-брахманам, его называли так, поскольку это язык, составленный должным образом, прекрасно составленный, совершенный. Он обозначался так в противопоставление грубому, неочищенному и необработанному «пракриту» (включающему пали), на котором говорили обычные люди (то есть те в

особенности, которые не были брахманами). В современных индийских языках, таких как хинди, бенгали и маратхи, самскрит означает «культура». Таким образом, появилась идея, что самскрита, обусловленное, – это также нечто искусственное, в то время как асамскрита, Необусловленное, – это нечто простое, естественное, не составленное искусственным образом.

Этот оттенок слова «Необусловленное» находит обширное применение в тантрическом буддизме. У тантриков есть интересное слово для обозначения реальности – сахаджа. «Саха» означает «вместе», а «джа» – «рожденное» (как в слове «джати», «рождение»), поэтому буквальный смысл слова «сахаджа» – «рожденное с» или «вместерожденное». Поэтому говорится, что реальность – это то, с чем мы рождаемся, то, что неотъемлемо нам присуще, то, чего нам не нужно приобретать.

Различие между обусловленным и Необусловленным, между искусственным и естественным фундаментально для буддийской мысли, несмотря на то, что, как мы увидим, между разными буддийскими школами существуют некоторые противоречия по поводу того, абсолютное ли это различие или нет. И, как оказывается, оно существовало уже давно, еще до Просветления самого Будды.

В «Маджхима-никае», проповедях средней длины из Палийского канона, есть один отрывок, который особенно интересен из-за своего автобиографического содержания. Это «Арьяпариесана-сутта», в которой Будда рассказывает, как он покинул дом, стал странствующим монахом, как он добивался Просветления и, как мы видели, о том, как он решал, учить ему Дхарме или нет.

Что удивляет некоторых из тех, кто читает эту сутту, так это то, что в ней не упоминаются знаменитые «четыре знака» – то, как Сиддхартха Гаутама, будущий Будда, одним погожим утром совершил вылазку в колеснице со своим возничим и увидел больного, а затем одного за другим – старика, труп и, наконец, странствующего аскета, и таким образом столкнулся с существованием болезни, старения и смерти и возможностью стать странником в поисках истины.

Вместо этого в данном повествовании сравнительно натуралистичное, даже гуманистическое описание того, как Сиддхартха принял решение отказаться от жизни домохозяина. Это был, как описывает его этот отрывок, чисто внутренний процесс, не связанный в особенности ни с чем из того, что он видел и слышал. Здесь он представлен – его собственными словами – как простое размышление.

Будда рассказывает, как однажды он сидел дома, во дворце, и размышлял в одиночестве. Мы можем представить, как он сидит, к примеру, под деревом за высоким забором, возможно, ранним вечером, когда прохлада, тишина и покой опускаются на индийские пейзажи. Он просто размышляет: «Кто я? Что я делаю с моей жизнью? Я смертен, я подвержен старению, болезням и смерти. И все же, несмотря на все это, чем я занимаюсь? Будучи сам подвержен рождению, я гоняюсь за тем, что рождается. Будучи сам подвержен старению, я гонюсь за тем, что подобно мне, состарится. Будучи сам подвержен болезни и распаду, я гонюсь за тем, что также распадется. И будучи сам подвержен смерти, я гонюсь за тем, что также должно умереть».

Затем, когда Будда снова обращается к своему собеседнику в этой сутте, аскету-джайну, в его уме размышление принимает другое, почти противоположное направление. Ему приходит в голову: «Теперь предположим, что я поступил бы по-другому? Теперь

предположим, что, будучи сам подвержен рождению, я бы отправился на поиски того, что не имеет рождения или начала, что существует вне времени? Предположим, что, будучи сам подвержен старости, я бы отправился на поиски того, что неизменно? Предположим, что, будучи сам подвержен болезни, распаду, я бы отправился на поиски того, что не умалется в совершенстве? Или, наконец, предположим, что, будучи сам подвержен смерти, я бы отправился на поиски бессмертного, бесконечного, вечного?»

В результате подобных размышлений он вскоре покинул дом. В этой сутте нет драматизма, нет побега из дворца в лучах лунного света на лошадях с обернутыми копытами. Здесь просто говорится, что, хотя его отец и мачеха плакали и причитали, он надел желтое одеяние, выбрил голову, отрезал бороду и покинул дом для бездомной жизни.

Такова, вкратце, история обращения Будды – «обращения» в буквальном смысле «поворота», хотя в случае с Сиддхартхой это был не внешний поворот от одной религии к другой, а внутренний, от обусловленного к Необусловленному. Сиддхартха осознал, что является обусловленным существом и тратит все свое время и энергию на погоню за обусловленными вещами – то есть на арьяпариесану или «неблагородные поиски». Другими словами, он осознал, что приковывает себя к бесконечному кругу существования, колесу жизни, в котором вращаемся все мы, бесконечно переходя от жизни к жизни.

Поэтому он просто решил обратиться совершенно в другую сторону и вместо этого отправиться на поиски Необусловленного, предпринять арьяпариесану, то есть «благородные поиски». Со временем он осознает, что эти поиски – спиральный путь, ведущий из бесконечного круга к цели – Просветлению или нирване. Но в тот момент он определил путь перед собой простым, но ярким добуддийским выражением, которое можно обнаружить в древнейших Упанишадах: «есана» – нужда, желание, хотение, искание, устремление, поиск, преследование. Он мог продолжать «неблагородные поиски» или предпринять «благородные поиски».

Обращение Будды не было простым, мы можем быть уверены в этом, потому что то там, то здесь в других писаниях мы видим указания на то, что в его уме происходила чудовищная борьба, прежде чем он принял окончательное решение. Но, если очистить его от всех легенд и мифов, которые присовокупили к нему за века, это обращение было именно таким – простым, как утверждает традиция. И именно в этом, самом простом описании первого великого постижения будущего Будды можно обнаружить суть духовной жизни. Так мы запускаем пружину, которая управляет всем механизмом.

Эта пружина – обусловленное в стремлении к Необусловленному, смертный в поисках бессмертного, т.е. ищущий не бессмертия «я», а бессмертия, выходящего за пределы «я». То, что искал Сиддхартха, – это, главным образом, ответ на вопрос, который задает в «Маджхима-никае» молодой монах, Говинда, который выполняет затворничество в сезон дождей – т.е. в течение примерно трех месяцев – медитируя на метте или всеобщей любящей доброте, и в результате обретает видение «вечно юного» Брахмы Санаткумары. Вопрос, который задает Говинда Санаткумаре в этой сутте таков: «Как может смертный попасть в мир бессмертия Брахмы?»

Это ключевой вопрос религии. Как может обусловленное стать Необусловленным, как может смертный стать бессмертным? Как мне победить смерть? Конечно, в таком выражении все звучит гладко, но если мы попытаемся серьезно отнестись к вопросу о том, как покинуть обусловленное и отправиться на поиски Необусловленного, нам понадобится задать еще один вопрос. Что конкретно подразумевается под обусловленным? Как мы определяем

обусловленное?

Согласно буддийской традиции, то, что обусловлено, непременно обладает тремя характеристиками, или лакшанами, по которым его можно определить как таковое. Эти три характеристики иногда называют «тремя знаками существования», но более точно было бы назвать их «тремя знаками становления», поскольку в природе обусловленного нет ничего постоянного, такого, как «состояние существования».

Три лакшаны, три неразделимые характеристики всего обусловленного существования, таковы: духкха, неудовлетворенность или болезненность, анитья, непостоянство, и анатман, пустота «я», основы существа. Все обусловленные «вещи» или «существа» в этой вселенной обладают этими тремя характеристиками. Они все не приносят удовлетворения, все непостоянны, все лишены самости. Из этих трех лакшан большинству людей эмоционально трудно в каком-то роде согласиться с первой, поэтому мы рассмотрим ее глубже и детальнее, чем остальные две.

Страдание

Здесь используется санскритское слово «духкха», которое обычно переводится как «страдание», но лучше было бы переводить его – хотя это и несколько громоздко – как «неудовлетворенность». Возможно, лучше всего обратиться к его этимологии: хотя традиционное изложение происхождения слова духкха уже не является общепринятым, оно все же дает нам правильную и точную картину.

«Дух-» - это приставка, обозначающая все, что не является хорошим – плохое, болезненное, неправильное или неуместное, а «кха», основная часть слова, как полагают, связана с санскритским словом «чакра», что значит «колесо». Поэтому говорится, что слово «духкха» первоначально означало плохо прилаженное колесо повозки, что приводило к тряской, неприятной поездке, и путешествие не могло быть ни удобным, ни легким.

Все это касается обычного образа духкхи. Однако если мы присмотримся ближе, мы увидим, что это неудобство или страдание настигает нас во многих разнообразных формах – и Будда обычно говорит о семи. Во-первых, он говорит, что рождение – это страдание: человеческая жизнь начинается со страдания. Выражаясь более поэтически словами Оскара Уайльда, «в рождении ребенка или звезды есть боль». Как бы мы это ни выражали, это великая духовная истина; важно, что наша жизнь начинается со страдания.

Безусловно, роды физически болезненны для матери и, как следствие, зачастую эмоционально болезненны для отца, в то время как для младенца, как говорят, это травмирующий опыт. Очень неприятно оказаться внезапно выброшенным из мира полной гармонии в утробе в холодный, странный мир, в котором первым приветствием, скорее всего, становится шлепок по ягодицам.

Во-вторых, как говорит Будда, старость – это страдание. Одно из неудобств старости – физическая слабость: вы больше не можете передвигаться с легкостью и подвижностью, как раньше. Кроме того, происходит потеря памяти: вы не можете вспомнить имена или место, куда вы положили вещи. Ваш ум уже не столь гибок и быстр, как раньше. Когда это вырождение превращается в старческую дряхлость, это страшно наблюдать, особенно у тех людей, которые когда-то были известны. Возможно, болезненнее всего то, что старея, вы вынуждены зависеть от других: вы не можете сами себя обслуживать, возможно, вам даже необходим постоянный присмотр медсестры или родственников. Несмотря на все

современные удобства и приспособления – и часто в результате современных достижений медицины – многие из нас будут ощущать эти страдания, особенно если мы доживем до очень преклонного возраста.

В-третьих, болезнь – это страдание. Будь это зубная боль или такая неизлечимая болезнь, как рак, ни одна болезнь не может быть приятной. Страдание заключается не только в физической боли: есть также беспомощность, страх и отчаяние. Медицина иногда может облегчить страдания от болезней, но нет никаких признаков того, что когда-нибудь она сможет искоренить их окончательно. Кажется, что, как только мы избавляемся от одной болезни, появляется другая. Как только побежден один вирус, возникает новый, более мощный штамм вируса. А как только мы ощущаем себя физически вполне здоровыми, у нас начинают развиваться всякие психические нарушения, все более и более сложные невроты и загадочные симптомы, и все это сопровождается страданием. Почти любое ощущение несовершенства в нашей жизни может привести к какой-либо болезни: стресс приводит к сердечным приступам, усталость превращается в синдром, привычка становится злоупотреблением. Поэтому, хотя и кажется, что болезнь может изменить свой облик, она не отступает.

В-четвертых, смерть – это страдание. Мы страдаем, когда умирают дорогие нам люди, мы страдаем, когда наблюдаем, как жизнь уходит по каплям из физического тела, с которым мы так долго связывали любимого человека. Мы страдаем, зная, что любимый человек скоро умрет, страдаем, потому что знаем, что тоже разрушимся. Большая часть нашего страдания, связанного со смертью, это, конечно, просто страх. Большинство из нас снесет большое количество страданий, прежде чем выберет умереть, столь велик ужас перед неизбежным завершением нашего существования:

*Самая скучная и отвратительная жизнь в мире,
Которой возраст, боль, нужда и заточение
Могут обременить природу, – рай
По сравнению с ужасающей нас смертью.*

Люди далеко не всегда чувствуют, что готовы умереть. Им жаль покидать место, где провели жизнь в трудах, удовольствиях и достижениях. Даже если они хотят уйти, даже если они вполне счастливы, что перейдут к новой жизни или к тому, чего они не знают, все же физический процесс разрушения сопровождается болью. И иногда вместе с этим возникает много психических страданий. Иногда на смертном ложе людей настигает раскаяние: они вспоминают ужасные несправедливости, которые они творили, ужасный вред и боль, которую они причинили тем или иным людям, и, вследствие этого, у них возникают страхи и опасения относительно своего будущего. Все это делает смерть для многих людей ужасающим опытом, о котором до его наступления всеми силами они стараются не думать.

В-пятых, контакт с тем, что нам не нравится, – это страдание. Мы все об этом знаем. Возможно, даже среди членов нашей собственной семьи есть люди, с которыми нам не хочется иметь дела. Это очень печально, особенно нам не нравятся наши собственные родители или дети. Поскольку присутствует кровная связь, даже привязанность, нам все же приходится общаться с ними так или иначе, и это может быть очень болезненным.

Работа, которую мы выполняем, также может быть источником страдания, если мы делаем ее лишь затем, чтобы заработать себе на жизнь, и если это – единственная работа, которую мы можем найти. Возможно, и здесь нам приходится смиряться с тем, что нам не нравится, и работать с людьми, которые кажутся нам чуждыми по духу, в течение

продолжительного периода времени, несмотря на то, что мы бы лучше занялись чем-нибудь еще.

Есть также различные условия окружающей среды, которые могут причинять нам неудобства: загрязнение, шум, погода. Несомненно, не каждый может уехать и поселиться на вилле в Греции. Поэтому кажется, что нет никакого выхода – и, безусловно, никакого окончательного выхода не существует. Вам просто приходится жить среди людей и вещей, в местах и условиях, которые вам совсем не нравятся.

В-шестых, расставание с тем, что нам нравится, причиняет страдание. Этот вид страдания на самом деле может быть очень мучительным. Есть люди, с которыми нам хочется быть рядом, встречаться чаще – родственники, друзья, но вмешиваются обстоятельства, и это становится просто невозможным. Это часто происходит во время войны, когда разрушаются семьи – мужчин призывают и отправляют на далекие поля сражений, детей отправляют в безопасные места, а многие просто пропадают в изгнании.

Я сам помню, что, когда я во время войны служил в Индии связистом, многие из моих друзей получали письма из дома регулярно, каждую неделю или около того, а затем наступал день, когда письма переставали приходить. Они обычно не знали, что произошло, но знали, что на Англию падают бомбы, поэтому через какое-то время они начинали подозревать самое страшное. Со временем они, возможно, получали известия, или от другого родственника, или от официальных властей, о том, что их жена и дети, или родители, или братья и сестры погибли при авиабомбардировке. Это самое ужасное страдание – постоянная разлука с теми, кого мы любим. Некоторые люди никогда не оправляются от этих мучений и носят в себе эту потерю всю оставшуюся жизнь.

В-седьмых, не получить того, чего мы желаем, – страдание. Нет нужды много говорить об этом. Когда вы увлечены кем-то или чем-то и вам не удается достичь цели, когда награда не падает на вас сверху, то вы чувствуете разочарование, отчаяние и даже горечь. Мы все испытывали подобный кратковременный опыт, когда нам не удавалось устроиться на работу, которая нам особенно нравилась, или нас не избирали для какой-то цели, или мы обнаруживали, что кто-то получил что-то или кого-то до нас.

Жизнь некоторых людей полна разочарования, отчаяния и горечи, потому что они чувствуют, что жизнь чего-то им недодала – и, конечно, чем сильнее желание, тем мучительнее страдание. Но даже в малом мы встречаемся с подобным каждый день, если не каждый час – например, когда обнаруживаем, что пирог закончился.

Таковы семь разных аспектов дуккхи, описанных Буддой. В одном месте Будда утверждает: «Все, чему я учу, – страданию и прекращению страдания». И, действительно, освобождение от пут страдания – это ключевой момент его учения. В писаниях Палийского канона он сравнивает себя с врачом, который пытается излечить своего пациента от мучительной болезни – болезни обусловленного существования, которой заражены все мы. Конечно, мы не всегда послушные пациенты, что, несомненно, обнаружил Будда. Но во многих случаях, говоря о страдании и пытаясь помочь людям увидеть его в перспективе, он заканчивал свою проповедь словами о том, что существование в целом болезненно, что вся полнота опыта обусловленных живых существ, в котором соединились форма, ощущение, восприятие, волевые акты и сознание, не приносит удовлетворения.

Здесь большинство людей сказал бы, что это зашло слишком далеко, что это пессимистичный, если не патологический взгляд на жизнь. Они сказали бы, что человеческое

существование ни в коем случае нельзя назвать не приносящим удовлетворения и болезненным все время. Они признают, что рождение болезненно, согласятся, что болезнь, старение и, да, смерть действительно болезненны. Но в то же время они с неохотой признают вывод, который из этого всего следует: что само обусловленное существование есть страдание. Все обстоит так, как будто бы они признавали все слагаемые суммы по отдельности, но не хотят принимать сумму, которую они составляют. Они говорят: да, есть определенное количество страданий в мире, но в целом это не такое уж плохое место. К чему быть столь пессимистичными? Есть много поводов улыбаться. Пока есть жизнь, есть надежда.

И, конечно, это так. У нас бывают приятные переживания, равно как и неприятные. Но с точки зрения буддизма даже приятные переживания по своей сути болезненны. На самом деле в них есть только страдание, спрятанное, затушеванное, отсроченное, – показной оптимизм. И то, в какой степени мы можем это видеть, видеть страдание за позолотой удовольствия, «череп под кожей», зависит от нашей духовной зрелости.

Эдвард Конзе выделял четыре аспекта скрытого страдания. Во-первых, то, что доставляет удовольствие одному, может приводить к страданиям других людей, других живых существ. Конечно, мы не склонны задумываться об этом. Если мы в порядке, если у нас все благополучно, мы не слишком сильно и не слишком часто заботимся о других. «Все в порядке, Джек», – это слова более или менее обобщают такое отношение. Самый простой пример этому – то, как искренне радуются люди, поедая плоть забитых животных. Они весело орудут вилкой и ножом, сознательно не думая о страданиях живых существ.

Но бессознательный ум не так просто обмануть. Вы можете сознательно отгородиться от некоторых неприятных фактов, но бессознательно вы все замечаете и ничего не забываете. Возможно, вы совсем не подозреваете об этом факте сознательно, но он окажет на состояние вашего ума влияние, тем более сильное, поскольку оно незримо. Так у нас развивается «иррациональное» чувство вины, потому что в глубине себя мы знаем, что наше удовольствие куплено ценой страданий других живых существ. Эта вина – источник постоянной тревоги и беспокойства.

Конзе приводит пример с богатыми людьми, которые почти всегда боятся обеднеть. Он говорит, что так происходит, потому что бессознательно они чувствуют, что не заслужили этих денег. Бессознательно они чувствуют, что их должны у них забрать, а сознательно беспокоятся, что эти деньги у них когда-нибудь отберут. Напротив, вы можете заметить, что бедные люди, которые, возможно, даже не знают, что будут есть на следующей неделе, редко беспокоятся об этом. Они обычно более расслаблены и оптимистичны, чем богатые.

Возможно, состоятельные люди страдают от бессознательного чувства вины, потому что, как бы они ни отрицали это сознательно, они знают, что их богатство «запятнано»: его получение принесло страдание другим людям, прямо или косвенно. Соответственно, они чувствуют постоянную необходимость оправдываться. Они говорят: «Я зарабатываю деньги, я вношу вклад в благополучие общины, я предлагаю услуги, нужные людям, я обеспечиваю рабочие места...» Еще они говорят: «Что ж, я богат, а остальные бедны, потому что я работаю упорнее, я иду на риск – по крайней мере, я не прошу подачек...»

Если чувство вины заходит слишком далеко, тогда для его облегчения необходимы сильнодействующие средства, и самое мощное из них – отдать часть богатства церкви, больнице или куда-либо еще. Популярнее всего больницы, потому что вы можете компенсировать страдания, причиненные при получении богатства, отдавая его часть для

облегчения страданий других. Это называется «анонимное возмещение ущерба». Если кто-то имеет дело с религиозными организациями, он вскоре научится распознавать такие пожертвования. Иногда их просто кладут в почтовый ящик в конверте с подписью «от анонимного жертвователя». Тогда вы понимаете, что кого-то действительно грызет совесть.

Второй вид скрытого страдания по Конзе – приятное переживание, в котором есть привкус беспокойства, потому что вы боитесь его потерять. Такова политическая власть: очень приятно властвовать над другими людьми, но вы всегда боитесь повернуться к кому-то спиной, потому что не знаете, можете ли доверять даже лучшему другу или вашему же охраннику у двери. Вы все время боитесь потерять свою власть, особенно если вы захватили ее силой, и другие только и ждут возможности взять ее в свои руки. В таком положении вам нелегко спать по ночам.

Традиционно в буддизме такие ощущения иллюстрируются примером с ястребом, летящим с куском мяса в когтях. Конечно, следом за ним обязательно кинутся десятки других ястребов, пытаясь выхватить этот кусок мяса, и они попытаются достичь своей цели, нападая и клюя не кусок мяса, но владельца этого мяса, ударяя его клювом по туловищу, по крыльям, по голове, по глазам. Мир финансов, бизнеса и сферы развлечений, мир высокой конкуренции, подобен этому. Любое удовольствие, подразумевающее власть или общественное положение, смешано с долей беспокойства из-за ощущения, что другие будут рады занять место на вершине твоей персональной навозной кучи.

Третье скрытое страдание, как указывает Конзе, – это нечто приятное, но привязывающее нас к чему-то, что несет с собой страдание. Он приводит пример с человеческим телом. Хотя мы испытываем всяческие приятные переживания, мы также испытываем и множество неприятных ощущений. Поэтому наша привязанность к тому, что дает нам приятные ощущения, привязывает нас также и к неприятным ощущениям. Мы не можем иметь одного без другого.

И, наконец, Конзе высказывает предположение, что скрытое страдание можно обнаружить в том факте, что удовольствия, полученные от наслаждения обусловленными вещами, не могут удовлетворить глубочайшие желания нашего сердца. В каждом из нас есть нечто Необусловленное, что-то не от этого мира, что-то запредельное, природа Будды, называйте как хотите. Как бы вы это ни называли, вы можете распознать это по тому, что оно не может быть удовлетворено ничем обусловленным. Оно может быть удовлетворено только Необусловленным.

Поэтому, какими бы обусловленными вещами мы не наслаждались, есть всегда какой-то недостаток, пустота, которую может заполнить только Необусловленное. В конечном счете, именно по этой причине – если вернуться к выводу, сделанному Буддой – все обусловленные вещи явно или скрыто не могут принести удовлетворения и причиняют боль. Именно в свете Необусловленного страдание, духкха, несомненно является характеристикой всех форм обусловленного существования, в особенности обусловленного существования живых существ.

Непостоянство

Слово, обозначающее вторую фундаментальную характеристику обусловленного существования, анитья, довольно легко перевести. «Нитья» означает «постоянное», «вечное», поэтому с добавлением приставки, выражающей отрицание, вы получаете «непостоянное», «невечное». Это также довольно просто понять – по крайней мере, интеллектуально. Едва ли

можно отрицать, что все обусловленные вещи, все составные вещи постоянно изменяются. Они по определению состоят из частей – то есть являются составными. А то, что является составным, составленным из частей, может быть также разложено, снова сведено к частям, и, конечно, это происходит постоянно.

На самом деле, в наши дни гораздо проще понять эту истину, чем во времена Будды. Теперь у нас есть авторитетные научные данные, подтверждающие, что нет такой вещи, как материя в смысле реально существующих масс твердого плотного вещества, рассеянного в пространстве. Мы знаем, что то, что мы понимаем под материей, на самом деле представляет собой только различные формы энергии.

Но та же самая великая истина применима к нашему уму. В нашем внутреннем ощущении «я» нет ничего неизменного, ничего постоянного или бессмертного. Есть только постоянная смена состояний ума, ощущений, восприятий, волевых актов и актов сознания. На самом деле, ум меняется даже быстрее, чем физическое тело. Мы не всегда можем заметить изменения в физическом теле, но если мы наблюдательны, мы увидим, как состояния нашего ума меняются от момента к моменту.

Такова причина для довольно странного на первый взгляд утверждения Будды, что еще большая ошибка – отождествлять себя (как устойчивое целое) с умом, чем с телом. Такова позиция буддизма. Вера в реальность «я» с точки зрения духовности – еще большая ошибка, чем вера в реальность тела, потому что тело, по крайней мере, обладает некоторой относительной устойчивостью. А в уме нет совсем ничего устойчивого. Он постоянно, ощутимо меняется.

В широком смысле лакшана анитьи указывает на то, что вся Вселенная снизу доверху, во всем своем великолепии, во всей необъятности – всего лишь одно огромное скопление процессов различных типов, имеющих место на различных уровнях, и все они взаимосвязаны. Ничто никогда не остается в покое даже на мгновение, даже на долю секунды.

Однако мы этого не замечаем. Поднимая глаза, мы видим вечные холмы, а в ночном небе мы наблюдаем те же самые звезды, карты которых были нарисованы нашими предками на заре истории. Дома служат поколению за поколением, а старая дубовая мебель в них, кажется, становится только прочнее с течением времени. Даже наши тела мало меняются от года к году. И только когда изменения становятся заметными, когда сгорает большой дом, когда мы понимаем, что звезда, на которую мы смотрим, уже погасла, или когда мы сами оказываемся на смертном одре, мы понимаем истину непостоянства, того, что все не вечно, что все обусловленные вещи – от мельчайших частиц до самых массивных звезд – рождаются, продолжают существование, а затем исчезают.

Пустота «я»

Третья лакшана, анатман, заключает в себе истину о том, что все обусловленные вещи лишены постоянного, неизменного самобытия. Что конкретно это означает? Когда Будда отрицал реальность идеи атмана, что он на самом деле отрицал? В чем заключалась вера или доктрина атмана, которой придерживались современники Будды, индуисты тех дней?

На самом деле в одних Упанишадах упоминается много различных концепций относительно атмана⁴⁸. В некоторых из них говорится, что атман, «я», или душа, если вам угодно, – это физическое тело. В других местах выдвигается точка зрения, что атман –

величиной с большой палец, материален и находится в сердце. Но наиболее распространенной во времена Будды и больше всего заботившей его была точка зрения, что атман индивидуален – в том смысле, что я это я, а вы это вы, невеществен или нематериален, обладает сознанием, неизменен, полон блаженства и независим – в том смысле, что обладает полной властью над своей собственной судьбой.

Будда утверждал, что не существует такой целостности – и делал это, обращаясь к опыту. Он сказал, что, если вы посмотрите внутрь, на самого себя, свою собственную психическую жизнь, вы сможете разделить все, что вы наблюдаете, на пять категорий: форма, ощущение, восприятие, волевые акты и акты сознания. Ни в чем из того, что обнаруживается среди этих категорий, нельзя увидеть постоянства. Нет ничего независимого или абсолютно блаженного среди них. Все в них возникает в зависимости от условий и так или иначе не является удовлетворительным. Эти пять категорий или совокупностей – анатман. Они не составляют никакой самости, как утверждали индуисты во времена Будды. Такой самости не существует ни в них самих, ни вне, ни в связи с ними, ни каким-либо другим образом.

Три освобождения

Такой взгляд на обусловленное существование, на жизнь как непременно подверженную страданию, непостоянству, пустоте от самобытия, называется випашьяна (на санскрите) или випассана (на пали), что переводится как «проникновение».

Проникновение – это не просто интеллектуальное понимание. Его можно развить только на основе контролируемого, очищенного, возвышенного, сосредоточенного, целостного ума – другими словами, посредством практики медитации. Проникновение – это прямое интеллектуальное восприятие, которое имеет место в глубинах медитации, когда обычные процессы ума временно прекращаются. Предварительное интеллектуальное понимание этих трех характеристик, несомненно, помогает, но в конечном счете проникновение – это то, что выходит за пределы интеллектуальных измышлений ума.

Поэтому в медитации, посредством проникновения, вы видите, что все без исключения, что вы ощущаете пятью чувствами и умом – все, что вы ощущаете, чего касаетесь, что обоняете, пробуете на вкус, что видите и о чем думаете – обусловлено, подвержено страданию, непостоянно, лишено самобытия. Когда вы смотрите на вещи таким образом, вы ощущаете то, что с формальной точки зрения называется антипатией или отвращением, и вы отворачиваетесь от обусловленного. Важно заметить, что это духовное переживание, а не просто психологическая реакция: вы отворачиваетесь не просто потому, что лично вы отвергаете подобные вещи, а потому, что вы видите, что обусловленное само по себе не заслуживает того, чтобы им обладать. Когда этот поворот от обусловленного к Необусловленному имеет место сознательно, говорят, что вы вступаете в «поток», ведущий к нирване.

Здесь нужно предостеречь вас от недопонимания. Некоторые школы рассматривают обусловленное и Необусловленное, как будто они – два совершенно отличных друг от друга предельных принципа в своего рода философском дуализме. Но все обстоит не так. Не то чтобы обусловленное было по одну сторону, а Необусловленное – по другую, а между ними была огромная пропасть. Они больше напоминают два полюса. В некоторых школах буддизма даже говорится, что Необусловленное – это и есть обусловленное, когда оно рассматривается в своей предельной глубине или, так сказать, на новом, более высоком уровне. Необусловленное достигается достаточно глубоким знанием обусловленного, когда вы устремляетесь к сути обусловленного, доходите до самого дна и, так сказать, выходите с

другой стороны. Другими словами, обусловленное и Необусловленное – это, в некотором роде, две стороны одной и той же монеты.

Эта точка зрения, в которой очень важно разобраться, является центральным положением общего для всех школ учения, называемого «три вимокши», или «освобождения». Их также иногда называют тремя самадхи, или тремя вратами, через которые мы можем вступить в Освобождение.

Первое из этих освобождений – априорита, «лишенный цели» или «беспристрастный». Это состояние ума без отклонений в каком-либо направлении, без симпатий и антипатий, совершенно спокойное и уравновешенное. Таким образом, это «приближение» к Необусловленному, но это приближение, достигаемое, когда вы не идете ни в каком определенном направлении. Вы хотите пойти в определенном направлении, только когда у вас есть представление об этом направлении и желание туда идти. Если нет никакого особого направления, в котором вы бы хотели отправиться, тогда вы просто, так сказать, остаетесь в покое. Это состояние можно сравнить с совершенно круглой сферой на совершенно ровной поверхности. Поскольку поверхность абсолютно ровна, совершенная сфера никуда не катится. Вимокша отсутствия направления это напоминает. Это состояние абсолютной беспристрастности, в котором у человека нет эгоистических мотивов для того, чтобы что-то делать – или даже чтобы ничего не делать. Поэтому это способ приблизиться к реальности, к Просветлению.

Второе освобождение, вторые врата в Необусловленное, – это анимитта, «беззнаковость». «Нимитта» буквально означает «знак», но это также может означать слово или понятие, поэтому анимитта – приближение к Необусловленному путем выхода за пределы всех слов и всех мыслей. Это совершенно особый опыт. Когда вы его испытываете, вы осознаете, что все слова, все понятия совершенно не соответствуют действительности. Не то чтобы они не слишком достоверны, но на самом деле они ничего не значат. Это еще одни врата, через которые можно вступить в абсолютное, Необусловленное. Анимитта – это состояние, в котором отсекаются все концепции о реальности. Другими словами, человек не думает о реальности. Я не имею в виду «не думает» о ней, как люди обычно не думают о реальности. В конце концов, мы могли бы сказать, что большинство из нас большую часть времени не слишком задумывается о реальности. Но, достигая этой вимокши, человек, так сказать, достигает уровня реальности, а не думает о реальности. Он осознает, что никакие слова и понятия к ней не применимы; на самом деле, нужно отказаться даже от концепции неприменимости. Это вимокша или самадхи отсутствия знаков или представлений.

А третье освобождение – это шуньята, пустотность или пустота. В этом состоянии вы видите все, так сказать, совершенно прозрачным. Ничто не обладает самобытием, ничто не обладает собственной идентичностью. Говоря языком «Совершенства Мудрости», «Празднпарамиты», вещи таковы, какие они есть, потому, что они не таковы, какие они есть – это можно выразить только с помощью парадокса. Это вимокша пустоты. Эти три освобождения символизируют различные аспекты Необусловленного, то есть показывают Необусловленное с различных точек зрения, которые также являются разными способами его осознать. Вы можете проникнуть в Необусловленное через невозмутимость, через отсутствие концепций, через пустотность. Однако, как мы уже сказали, вы достигаете Необусловленного, постигая обусловленное в его глубине. Таким образом, можно также сказать, что вы постигаете три освобождения, уделяя внимание трем лакшанам. То есть каждого из трех освобождений можно достигнуть через достаточно глубокое понимание соответствующей лакшаны. Таким образом, сами три лакшаны можно рассматривать как врата к освобождению.

Если вы достаточно глубоко заглянете в по своей сути не приносящую удовлетворения природу обусловленного существования, вы осознаете Необусловленное как невозмутимое. Это произойдет, потому что, когда вы увидите, что обусловленным вещам неотъемлемо присуще страдание, вы потеряете интерес в целях, задачах и стремлениях обусловленного существования. Вы вполне спокойны и уравновешены, не отклоняетесь в какую-либо сторону, у вас отсутствуют личные желания и побуждения. Следовательно, когда вы погружаетесь в обусловленное через аспект страдания, вы погружаетесь в Необусловленное через аспект невозмутимости.

Или же, когда вы сосредотачиваетесь на обусловленном как непостоянном, изменчивом, лишенном устойчивой идентичности, тогда, погружаясь в суть этого и, так сказать, выходя с другой стороны, вы постигаете Необусловленное как лишенное знаков. Вы осознаете пустоту всех концепций, выходите за пределы всех мыслей, вы постигаете, если хотите, «вечное» – но не то вечное, которое длится во времени, а то, которое выходит за пределы времени.

И, в-третьих, если вы сосредотачиваетесь на Необусловленном как лишенном самости, лишенном индивидуальности, лишенном «я» и «ты», лишенном «моего», вы приближаетесь к Необусловленному, осознаете Необусловленное как шуньяту, как пустотность. Что такое «пустотность», мы еще рассмотрим.

Однако целью текущей главы было пролить некоторый свет на вопрос о трех лакшанах, трех характеристиках обусловленного существования. Они имеют ключевое значение не только для философии буддизма, но и для духовной жизни буддиста. Согласно Будде, мы на самом деле не увидим обусловленного существования, пока не научимся видеть его в этом свете. Если мы видим что-то еще, это всего лишь иллюзия, всего лишь проекция. Но как только мы начинаем видеть обусловленное как в своей сути не приносящее удовлетворения, непостоянное и лишенное самости, тогда мало-помалу мы начинаем видеть проблеск Необусловленного, и этот проблеск – и есть наш основной проводник на буддийском пути.